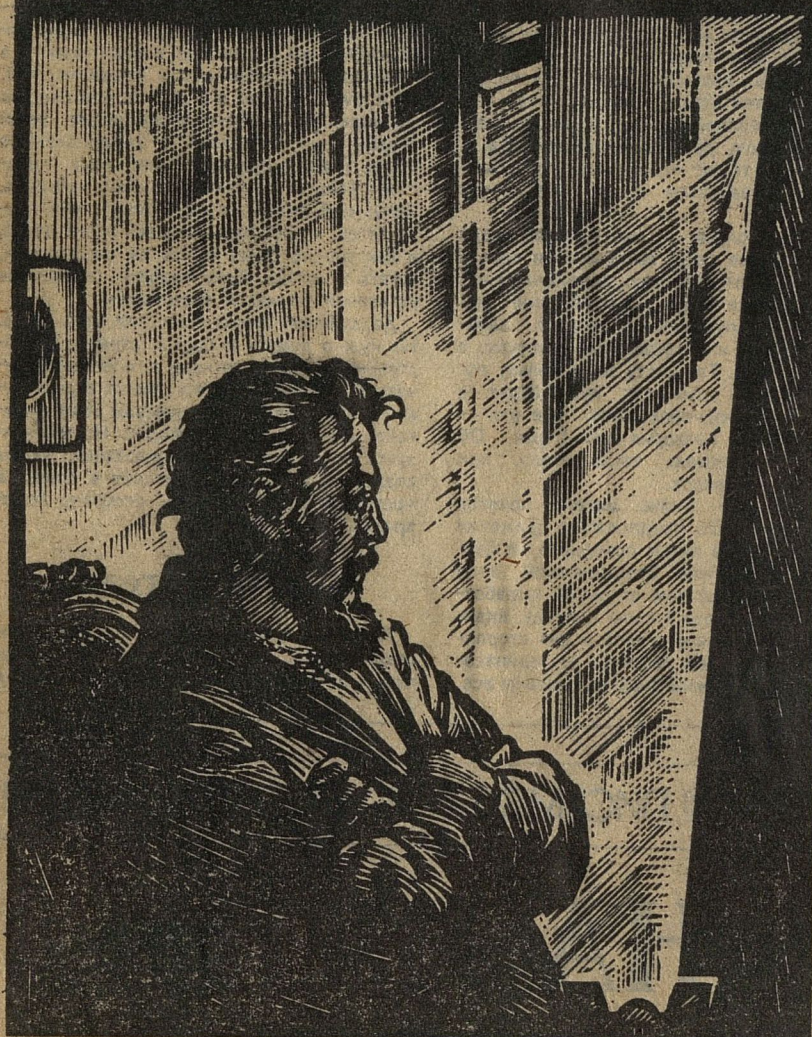

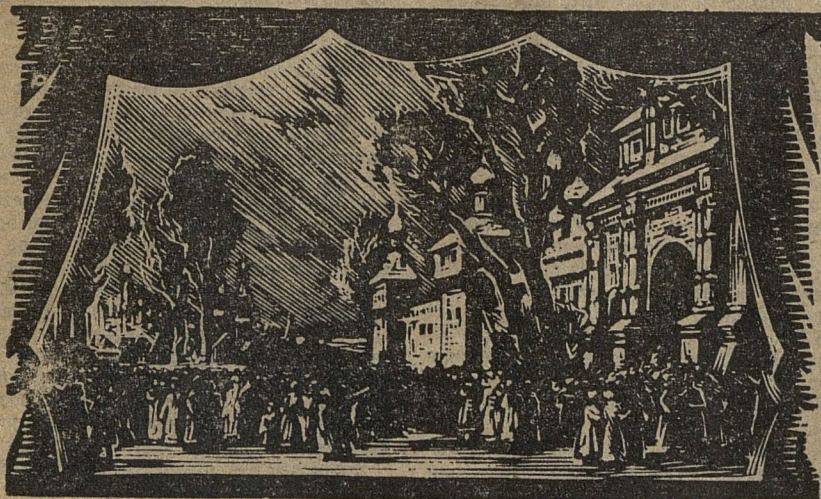
Литературная Россия. — 1989. — 17 марта. — С. 7.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ПОПЫТКА ПРИБЛИЖЕНИЯ

К 150-летию со дня рождения
М. П. МУСОРГСКОГО

многих непонятную, а то и сведенную к убогой житейской формуле: она содержала его материально. Взаимоотношения подобного рода либо не понятны ни современниками, ни потомками, либо и вовсе извращены. Вероятно, в чем-то прав тот же Стивен Уильямс, говоря о том, что Мусоргский все свои силы без остатка отдал искусству, ничего для жизни не оставив. Как и Чайковский, он боялся связать свою судьбу с женщиной, горячо им любимой, — вдруг ей невольно достанется то, что по праву принадлежит лишь искусству!

ИСТОРИЯ постановки, то есть мýтарств, «Бориса Годунова», пожалуй, известна многим. Но вряд ли известны современному читателю высказывания, касающиеся творчества и личности Мусоргского.

Н. Компанейский, знакомый, как он утверждает, с Мусоргским «более близко», рассказывает на страницах «Русской музыкальной газеты»:

«Из наших бесед мне пришлось убедиться, что гениальный композитор был по

части теории музыки и техники письма невинен как младенец, далее кругозора фортепианного виртуоза у него не существовало. Серьезно заняться техникой письма или хотя бы вдуматься в нее, по-видимому, он и не желал, да и времени на то у него не было. Урывками иногда он и занимался, но к систематическому труду не был подготовлен самовоспитанием. Хотя он и говорил много о серьезной роли искусства, придавая им полезное значение, а не забавы, но сам занимался музыкой недолго и зря. Мелодия у него выливалась мгновенно из живой речи, сопровождения же их появлялись в воображении виртуозных фортепианных фигур листовского размаха. По мысли эти фигуры необычайно ясны, художественны, оригинальны и правдивы, но по технике изложения они несоответствующей сложности и корявы. При таком отношении к делу и такой технической подготовке мог сочинять только гений.

Необходимо указать еще на тот факт, что Мусоргский, быть может, и не знал, как звучат его сочинения в действительности, так как он играл их всегда на память, каждый раз с некоторыми изменениями и далеко не в том виде, как они изображены у него нотами».

А вот голос Сергея Рахманинова, тоскующего по своей России из далекого — американского — далека:

«Некоторые близорукие критики имели дерзость указывать на Мусоргского как на композитора, бедного мелодиями, — тогда как его творчество изобилует превосходными мелодиями исключительной оригинальности, хотя он и пользовался несколькими усложненными приемами их разработки».

Что касается партитуры «Бориса Годунова», сильно «отутюженной» Римским-Корсаковым, могу сказать следующее: вышла у нас наконец в 1979 году в издательстве «Музыка» оригинальная, авторская версия «Бориса Годунова», право на публикацию которой мы купили у... Великобритании. В предисловии Дэвид Ллойд-Джонс благодарит работников советских библиотек и музеев, предоставивших ему возможность поработать с рукописями М. П. Мусоргского, — рассказывает Евгений Нестеренко. — Приятно вначале было, гордость даже какая-то появилась — в далекой Англии за честь почитают изучать и издать произведение русского гения, а потом боль меня душевная взяла: неужели нам-то все равно, неужто у нас не нашлось своих музыковедов-текстологов, способных проделать эту работу?».

Неужели и вправду не нашлось? Все от тех же лени и глухости душевных? Правда, сейчас «Борис Годунов» в авторской версии ставится не только в «Ла Скала», «Метрополитен-опера», Будапештской опере, а и у нас в Ленинграде, Таллинне, Свердловске...

Когда-то, очевидно, с легкой руки Федора Шаляпина, весь мир восхищался инструментальной Римского-Корсакова. В конце прошлого столетия Н. А. Римский-Корсаков пишет в письме к музыкальному критику Кругликову: «Что же касается Мусоргского, то он издается и исполняется только в моей обработке, без чего его сочинения допустить ни на программу, ни в издание нельзя».

Со времени Мусоргского дело ушло вперед; так, как он, писать ныне стыдно».

Однако ж в предисловии к своему изданию «Бориса Годунова», вышедшему в свет в 1896 году, Римский-Корсаков написал: «Я не уничтожил первоначального вида, я не закрасил навсегда старые фрески. Если когда-нибудь придут к тому, что оригинал лучше, ценнее моей обработки, то обработку мою бросят и будут давать «Бориса» по оригинальной партитуре».

И

ДЕТ время, меняются вкусы, эстетические воззрения. Ясно одно: Мусоргский был композитором-новатором, намного опередившим свое время. Кто-то, а уж он это понимал, он из-за этого вволю настрадался, но, несмотря на все невзгоды, крепко держался своего пути. «Мусоргский ни по характеру своих композиций, ни по своим музыкальным воззрениям не принадлежит ни к одному из существующих музыкальных кружков. Формула его художественного profession de foi (основной творческий принцип): искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель», — заявил композитор свое неумолимое кредо в «Автобиографической записке».

Да, время ушло вперед. Если драма Пушкина кончается тяжелой, лаконичной, ставшей классической фразой «Народ безмолвствует», то во второй, авторской редакции «Бориса Годунова» в самом конце на сцене остается один Юродивый. Кто он, вещающий горькую правду: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие, плачь, плачь, душа православная! Скоро враг придет и настанет гора — темень темная, непроглядная. Тьме, горе Руси! Плачь, — плачь, русский люд, голодный люд!»

В письме к В. Стасову времен работы над «Борисом» Мусоргский напишет: «Ушли вперед!» — врешь, «там же»! Бумага, книга ушла — мы там же. Пока народ не может проверить воочию, что из него стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним состряпалось, — там же!.. Прошедшее в настоящем — вот моя задача».

Каким был Мусоргский на самом деле, нам еще предстоит узнать, собрав любовно и по крупицам свидетельства его современников, изучив письма композитора, сопоставив и заново — непредвзято — осмыслив те либо иные события его жизни. В творчестве своем он был предельно честен: тому бесспорное доказательство — его трагическая, самой нашей историей возведенная в роковой канон неизбежности судьба.

Наталья КАЛИНИНА

● М. П. Мусоргский позирует И. Репину.

● Из иллюстраций к «Борису Годунову».

Гравюры Н. КАЛИТЫ